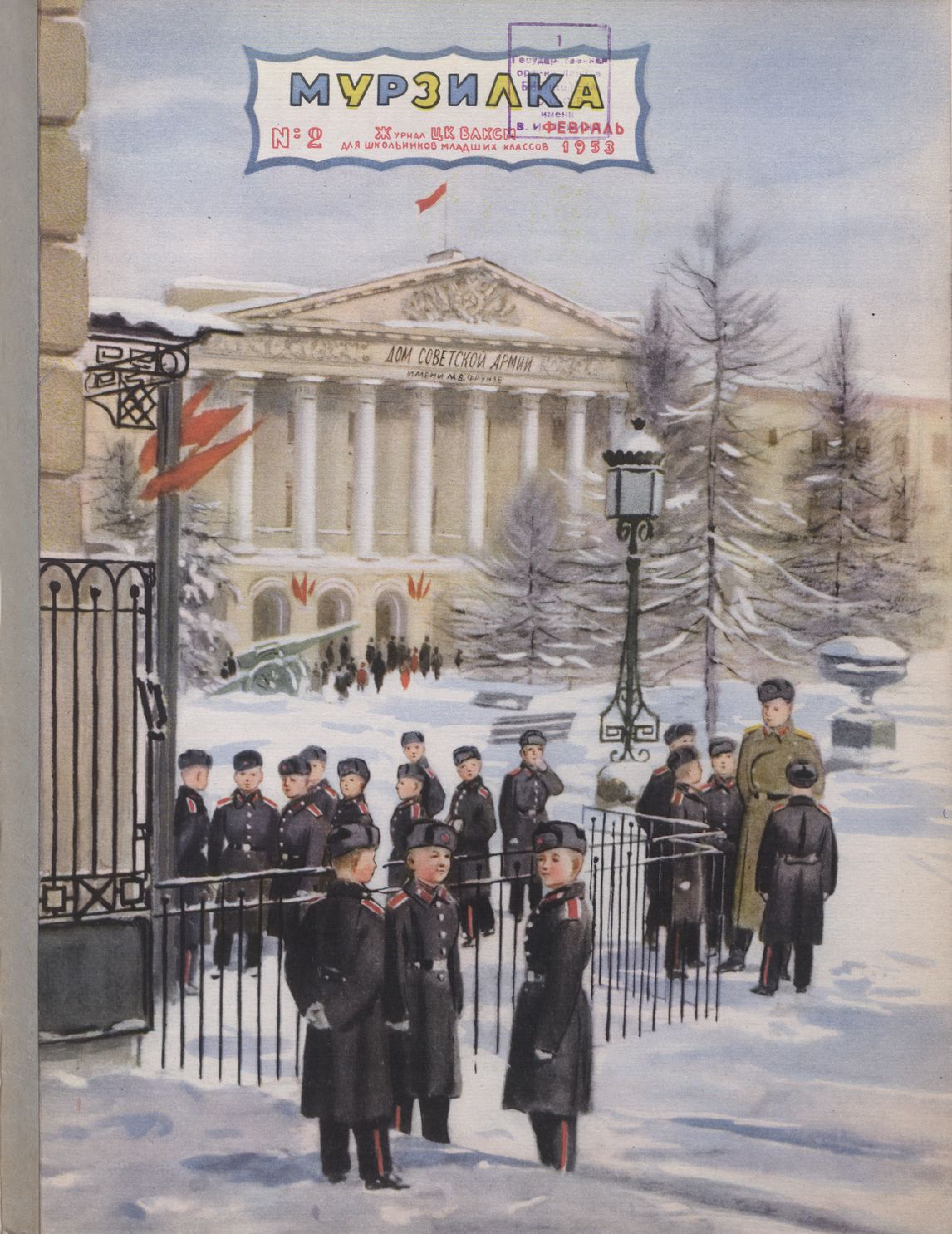
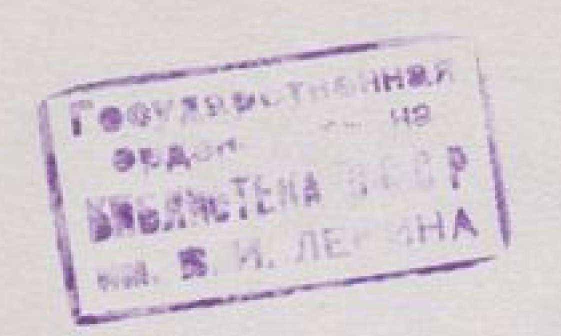

МУРЗИЛКА
№ 2
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов
ФЕВРАЛЬ
1953
ДОМ СОВЕТСКОЙ АРМИИ
ИМЕНИ М.В. ФРУНЗЕ

АНДРЕЙ ШМАНКЕВИЧ *Рис. В. БОГАТКИНА*

У СТЕПНОЙ КРИНИЧКИ

Дело было, как в задаче: шли навстречу друг другу два отряда. Один пеший, другой танковый. Первый отряд шёл медленно, по дорожной обочине, второй грохотал по дороге гусеницами и поднимал тучи пыли до небес.

Не думайте, что в задаче будет спрашиваться, когда и где встретятся отряды. Нет. Давайте лучше узнаем — куда и зачем они шли.

Шли отряды на ученье. Первый шёл учиться переделывать природу на родной земле, второй шёл учиться защищать эту землю от всех её врагов. Пеший отряд направлялся к степной кринице, на молодую лесополосу, танковый держал путь... О том, куда отряду путь лежал, знал только командир отряда, а нам с вами знать про то не положено... Военная тайна.

Пеший отряд был не совсем пешим. Была в отряде лошадь, хорошая, сильная лошадь, по кличке Голубка. Ребята уверяли, что у этой лошади, по крайней мере, две, если не все три, лошадиные силы. Однако никто из них ехать на подводе не захотел, даже конопатый Петрусь, которому была доверена лошадь, шагал рядом с Голубкой. Подвода была нагружена чернозёмом, лопатами, вёдрами и пучками саженцев, укутанных мешками и рогожами. Вырастили эти саженцы ребята, юннаты-мичуринцы из большого приднепровского села, и везли теперь, чтобы высадить на своей подшефной полосе.

Самым маленьким в отряде был Васютка Грицко.

— Устал, Васютка? — спрашивала его то и дело учительница.

— Что вы, Марфа Петровна! Да я ещё столько же пройду и не устану... — храбрился Васютка. — Вот только пить охота... Говорил я мамке: не клади мне в дорогу солёных огурцов. Так не послушалась, наложила чуть не полную торбочку...

— А ты не утерпел, небось... Переполовинил? — принялся допытываться Костя Дубок, староста кружка.

— Да... — не стал отпираться Васютка. — Я солёное очень уважаю...

— Тогда не хнычь. Не маленький. Знал, что дорога не близкая...

— Ладно, Костик, хватит тебе! — вступилась за Васютку Люба. — А ты потерпи, Васютка. Немного уж осталось до кринички. А вода в ней холодная, сладкая... Пей, сколько душенька желает.

До родничка, верно, оставалось всего ничего, но итти стало тяжелее — начались пески. И здесь раньше степь была, да ветры-суховеи сорвали верхний слой чернозёма, обнажили пласты песчаника и гоняют теперь песчаные волны с места на место. Против этой беды и растили колхозники шеренги молодых дубков и тополей, акаций и карагача. А ребятам захотелось сделать так, чтобы совсем было хорошо: они решили вырастить на полосе ещё и фруктовые деревья, особенно у кринички, рядом с дорогой.

— Пускай прохожий или проезжий человек не только у родничка освежится, но и в саду нашем отдохнёт, яблок наших попробует, вишен... Нам не жалко, — говорили ребята. — В нашем саду от весны до осени что-нибудь будет поспевать.

Васютке так хотелось пить, что он не выдержал и побежал вперёд. Подбежал он к краю овражка, на дне которого была

криница, и вдруг остановился, замахал руками и закричал:

— Ребята!.. Ребята!.. Скорее!..

Все бросились к нему, подбежали, да так и застыли на месте: родника не было... Чуть не до половины был засыпан овражек мелким, как пыль, песком.

— Это буран! Последний буран... — прошептал Петрусь.

— Что же мы будем делать теперь? Как сажать-то без воды? — растерялась Люба. — Пропадут наши вишни и яблоньки.

— Пропадут, — согласился Васютка и облизал пересохшие губы. — Непременно пропадут.

— Не дадим пропасть! — сказал Костик, выхватил из брички лопату и спрыгнул в овражек.

* * *

Капитан поднёс к губам микрофон и сказал:

— Внимание! Через три километра будет родник. Стоим тридцать минут. Приказываю осмотреть машины и пополнить запасы воды.

Танкисты повеселели. Ещё бы! Даже осенью жарко и душно в танке на большом переходе. А тут отдых, ключевая вода...

И вот встретились два отряда. Подлетел командирский танк к самому овражку и резко остановился. За ним остановились и все остальные машины. Окружили танкисты своего командира, смотрят на ребят и ничего не понимают. И ребята перестали копать, на танкистов смотрят.

— Что случилось, товарищи? — спросил капитан, хотя и сам уже понял, что случилось.

— Суховей, вот что! — мрачно сказал Костик и рубанул песок лопатой. — Решили откопать... Нам без воды нельзя...

Надо было и капитану принимать решение. Он посмотрел на часы, высчитал что-то в уме и скомандовал:

— Отставить вёдра! Взять лопаты!

В овражке сразу стало тесно. Пыль полетела клубами. Еле нашёл капитан в этой пыли Марфу Петровну.

— Здравствуйте! В нашем распоряжении сорок минут, — сказал он. — Но мы успеем... Хорошо бы сруб над родничком соорудить. Но из чего?

— Хорошо бы, — согласилась учительница. — Только действительно не из чего... Наши-то леса ещё не выросли.

— А я знаю, что надо сделать, — сказал Васютка. — Мы уже думали с ребятами... Надо прикатить сюда бетонный дот. Их там вон целых четыре штуки осталось. С войны ещё...

Капитан удивлённо посмотрел на Васютку, на Марфу Петровну и улыбнулся.

— Таких учить, наверно, нетрудно, — сказал он. — Молодец! Правильное решение... Лейтенант Иванов!

Молодой танкист-лейтенант подбежал к командиру. Капитан показал ему на Васютку.

— Вот вам проводник, товарищ лейтенант. Притащите сюда бетонный колпак.

Васютка воткнул в песок лопатку и, ещё не веря ушам своим, пошёл к танку лейтенанта Иванова. Ребята проводили его глазами. Везёт же человеку!

Васюткину лопату тут же подхватил один из танкистов. Те, кому лопат нехватило, пустили в ход вёдра и котелки. Принесли брезентовый чехол и на нём, как на носилках, вытаскивали песок из овражка.

— Вода! Вода! — закричал вдруг Петрусь так, как будто началось наводнение.

Все бросились к нему, но это была ещё не вода, а только мокрый песок. Но всё равно это всех обрадовало, — ведь это значило, что криничка не иссякла, не пропала, что она жива и ждёт освобождения. Ещё быстрее, ещё горячее принялись за работу и танкисты и пионеры.

Костя Дубок хитрил — он знал, где искать родник, и не сходил с этого места. Его лопата всё глубже и глубже уходила в песок. Ещё лопата... Ещё... Ещё... И вдруг песок на дне ямки точно ожил, зашевелился, закипел, и струйки мутной ещё, но живой воды вырвались на волю...

Костику хотелось крикнуть «ура», но он постеснялся танкистов.

— Васютка! — крикнул он. — Иди, пей!

А Васютка в это время, стоя по плечи в открытом люке танка, улыбался во весь рот и складывал в уме рассказ о том, как они с лейтенантом Ивановым выполнили боевой приказ командира. Танк на средней скорости шёл к овражку, а за ним, на стальном тросе, слегка подпрыгивая на песчаных бугорках, тащился бетонный колпак.

Танкисты ломами разбили крышку колпака, подхватили его, опустили на дно освобождённой криницы, присыпали вокруг песком, разровняли, утрамбовали...

— Сто лет простоит! — сказал один из бойцов и хлопнул ладонью по шершавому боку колпака. — Строили для войны, а пригодился для мира.

— Ошибаетесь, — сказал капитан. — Придётся ему ещё побыть дотом, постоять тут против суховея, пока не окрепнут вот эти гвардейцы. — Капитан показал на лесную полосу.

...Сколько ни черпали танкисты воды, криничка не иссякала. Она точно хотела пощедрее отплатить людям за своё освобождение. Бойцы и ребята окружили её со всех сторон, пили, умывались, поили машины, Голубку... Смотрели, как роятся в хрустальной воде миллионы промытых песчинок, подбрасываемые живыми струями, и радостно улыбались.

Васютка давно уже напился доотвала, но все ещё прикладывался к солдатскому котелку.

— Ух и вода же! — хвалил он. — Вот это я понимаю — вода.

— Хороша! — подхватил танкист-сибиряк. — Почти такая, как у нас на Байкале. Вот вода-то где!.. Братцы мои, братцы! Однако пьёшь и не напьёшься...

— Везде хороша, — сказал второй. — Я вот лично из города Ейска. Кто приедет к нам, ругает воду. Горькая, говорят. А для меня она слаще всякой другой.

— Правильно! — подхватил третий, но тут капитан громко скомандовал:

— По машинам!

Распрощались танкисты с ребятами и с учительницей, поблагодарили пионеры танкистов, проводили их в дорогу.

Взревели моторы, загрохотали гусеницы, и ушёл танковый отряд выполнять задание. А пионерский отряд отдохнул немного и принялся за свои хорошие дела — сады садить, леса растить.

ЛЫЖНИКИ

Рис. В. АВЕТОВА

БАБКЕН КАРАПЕТЯН

Белоснежна,
Белокрыла
Наша зимушка-зима.
Всё прилежно
Побелила:
И деревья и дома.

Побелила
Гор отроги,
И овраги, и дороги.
Пешеходам
Нет пути:
По сугробам
Не пройти!

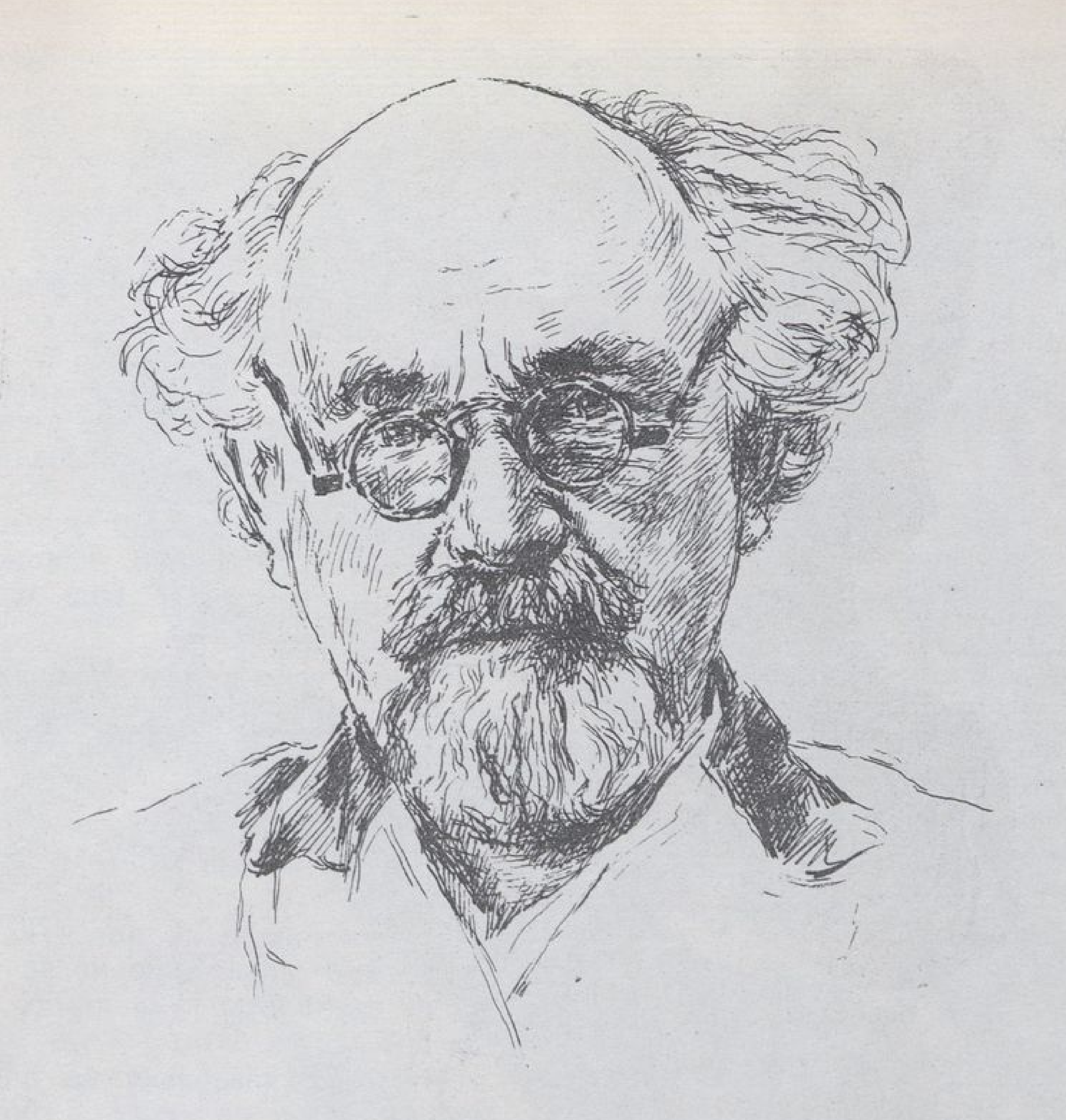

Но для лыжников дорога
Вся долина Арарата,
То полога,
То отлога,
То отлога, то поката.

Вот родимая деревня
Арташат,
Где фруктовые деревья
Тихо спят;
Виноградники, как в вате,
В снежном греются халате...

По долине Арарата
Мчатся лыжники-ребята.
Белый снег
От солнца жёлт.
Раньше всех
Пришёл Ашот.

Перевёл с армянского Н. Глазков

5 февраля 1953 года мне исполняется 80 лет от роду, и это значит, что человек я очень пожилой, или, как попросту все говорят, я старик...

Но, дорогие мои товарищи и читатели, я вас уверяю, что сам себя стариком я нисколько не чувствую и даже не люблю, когда назовут стариком.

Конечно, если бы пришлось выходить на кулачки, тут перед молодыми мне не сдобровать, но не тем же мы будем считать-разбирать, кто молод, кто стар, если кто кого кулаками забьёт!

Некоторые думают, будто раз ты молод, то, значит, и хорош, а раз ты стар, то и плох. Но почему же это я сам хорошо помню, что когда я был маленьким, то больше всего мне хотелось быть постарше — поскорей подрасти.

По-моему, и вы тоже хотите все так: поскорее пройти школу, кончить вуз, с тайным желанием делать после окончания то самое, чего самому так хочется.

Постоянным, упорным трудом в своей жизни я достиг теперь того, чего мне хотелось с детства, — я делаю любимое дело и не считаю того, сколько на это пошло моих лет.

Если вы меня знаете и любите, то я желаю, чтобы вас ещё больше любили и больше знали. И когда вы достигнете полного расцвета своих сил и будете делать именно то самое, что вам с детства хотелось, то вспомните тоже и нас и что в этой счастливой вашей жизни мы тоже вам помогли.

МИХ. ПРИШВИН

МИХ. ПРИШВИН

ЭТАЖИ ЛЕСА

У птиц и зверьков в лесу есть свои этажи: мышки живут в корнях, в самом низу; разные птички, вроде соловья, вьют свои гнёздышки прямо на земле; дрозды — повыше, на кустарниках; дупляные птицы — дятлы, синички, совы — ещё повыше, на разной высоте по стволу дерева, и на самом верху селятся хищники: ястребы и орлы.

Мне пришлось однажды наблюдать в лесу, что у них, зверушек и птиц, с этажами не как у нас в небоскрёбах: у нас всегда можно с кем-нибудь перемениться этажами, у них каждая порода живёт непременно в своём этаже.

Однажды на охоте мы пришли к полянке с погибшими берёзами. Это часто бывает, что берёзы дорастут до какого-то возраста и засохнут. Другое дерево, засохнув, роняет на землю кору, и оттого непокрытая древесина скоро гниёт и всё дерево падает. У берёзы же кора не падает; эта смолистая, белая снаружи кора — береста — бывает непроницаемым футляром для дерева, и умершее дерево долго стоит, как живое. Даже когда и сгниёт дерево и древесина превратится в труху, отяжелённую влагой, с виду белая берёза стоит, как живая. Но стоит, однако, хорошенько толкнуть такое дерево, как вдруг оно разломится всё на тяжёлые куски и упадёт. Валить такие деревья — занятие очень весёлое, но и опасное: куском дерева, если не увернёшься, можно здорово хватить себя по голове. Но всё-таки мы, охотники, не очень боимся, и когда попадаем к таким берёзам, то друг перед другом начинаем их рушить.

Так пришли мы к полянке с такими берёзами и обрушили довольно высокую берёзу. Падая, в воздухе она разломилась на несколько кусков, и в одном из них было дупло с гнездом гаечки. Маленькие птенчики при падении дерева не пострадали, только вместе со своим гнездом вывалились из дупла. Голые птенцы, покрытые пенышками, раскрывали широкие красные рты и, принимая нас за родителей, пищали и просили у нас червячка. Мы раскопали землю, нашли червяков, дали им перекусить. Они ели, глотали и опять пищали.

Очень скоро прилетели родители: гаечки-синички, с белыми пухлыми щёчками и с червячками во ртах, сели на рядом стоящих деревьях.

— Здравствуйте, дорогие, — сказали мы им, — вышло несчастье; мы этого не хотели.

Гаечки ничего не могли нам ответить, но, самое главное, не могли понять, что такое случилось, куда делось дерево, куда исчезли их дети.

Нас они нисколько не боялись, порхали с ветки на ветку в большой тревоге.

— Да вот же они! — показывали мы им на гнездо на земле. — Вот они, прислушайтесь, как они пищат, как зовут вас.

Гаечки ничего не слушали, суетились, беспокоились и не хотели спускаться вниз и выйти за пределы своего этажа.

— А может быть, — сказали мы друг другу, — они нас боятся? Давай спрячемся.

И спрятались.

Нет! Птенцы пищали, родители пищали, порхали, но вниз не спускались.

Мы догадались тогда, что у птичек не как у нас в небоскрёбах, — они не могут перемениться этажами: им теперь просто кажется, что весь этаж с их птенцами исчез.

— Ой-ой-ой, — сказал мой спутник, — ну какие же дурачки! Жалко и смешно:

Рис. Е. РАЧЁВА

такие славные, и с крылышками, а понять ничего не хотят.

Тогда мы взяли тот большой кусок, в котором находилось гнездо, сломили верх соседней берёзы и поставили на него наш кусок с гнездом как раз на такую высоту, на какой находился разрушенный этаж.

Нам недолго пришлось ждать в засаде: через несколько минут счастливые родители встретили своих птенчиков.

БЕЛЯК

Через наш большой лес проводят шоссе с отдельными путями для легковых машин, для грузовиков, для телег и для пешеходов. Сейчас пока для этого шоссе только лес вырубили коридором. Хорошо смотреть вдоль по вырубке: две зелёные стены леса и небо в конце.

Когда лес вырубали, то большие деревья куда-то увозили, мелкий же хворост собрали в огромные кучи. Хотели увезти для отопления фабрики, но не управились, и кучи по всей широкой вырубке остались зимовать.

Осенью охотники жаловались, что зайцы куда-то пропали, и некоторые связывали это исчезновение зайцев с вырубкой леса: рубили, стучали, гомонили — и распугали. Когда же выпал первый снег и по следам можно было разгадать все заячьи проделки, пришёл следопыт Родионыч и сказал:

— Заяц весь лежит под кучами хвороста.

Слух о зайцах под кучами мгновенно обежал весь наш городок, и под выходной день охотники, во главе с Родионычем, стали стекаться ко мне.

Рано утром, на самом рассвете, вышли мы на охоту без собак: Родионыч был такой искусник, что лучше всякой гончей мог выгнать зайца на охотника.

Как только стало видно настолько, что можно было различать следы лисьи от заячьих, мы взяли заячий след, пошли по нему, и, конечно, он привёл нас к одной куче хвороста, высокой, как наш деревянный дом с мезонином.

Под этой кучей должен был лежать заяц, и мы, приготовив ружья, стали все кругом.

— Давай, — сказали мы Родионычу.

— Вылезай! — крикнул он зайцу и сунул длинной палкой под кучу.

Заяц не выскочил. Родионыч оторопел. И, подумав, с очень серьёзным лицом, оглядывая каждую мелочь на снегу, обошёл всю кучу и ещё раз по большому кругу обошёл, — нигде не было выходного следа.

— Тут он, — сказал Родионыч уверенно. — Становитесь на места, ребятушки, он тут. Готовы?

— Давай! — крикнули мы.

— Вылезай! — опять крикнул Родионыч и трижды пырнул под хворост такой длинной палкой, что конец её на другой стороне чуть с ног не сбил одного молодого охотника.

И вот — нет, заяц не выскочил!

Такого конфуза с нашим старейшим следопытом ещё в жизни никогда не бывало; он даже в лице как будто немного опал. У нас же суета пошла, каждый стал по-своему о чём-то догадываться, во всё совать свой нос, туда-сюда ходить по снегу и так, затирая все следы, отнимать всякую возможность разгадать проделку умного зайца.

И вот, вижу, Родионыч вдруг просиял, сел, довольный, на пень поодаль от охот-

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

ников, свёртывает себе папироску и моргает, вот подмаргивает мне и подзывает к себе.

Смекнув дело, незаметно для всех подхожу к Родионычу, а он мне показывает наверх, на самый верх засыпанной снегом высокой кучи хвороста.

— Гляди, — шепчет он, — заяц-то какую с нами шутку играет!

Не сразу на белом снегу разглядел я две чёрные точки — глаза беляка, и ещё две маленькие точки — чёрные кончики длинных белых ушей. Это голова торчала из-под хвороста и повёртывалась в разные стороны за охотниками: куда они, туда и голова.

Стоило мне поднять ружьё — и кончилась бы в одно мгновенье жизнь умного зайца. Но мне стало жалко: мало ли их, глупых, лежит под кучами!

Родионыч без слов понял меня. Он смял себе из снега плотный комочек, выждал, когда охотники сгрудились на другой стороне кучи, и, хорошо наметившись, этим комочком пустил в беляка. Заяц встал на куче хвороста, подпрыгнул вверх аршина на два и вдруг объявился на фоне неба. Никогда я не думал, что наш обыкновенный заяц-беляк может показаться гигантом на огромной скале.

А что стало с охотниками! Заяц ведь прямо к ним с неба упал. В одно мгновенье все схватились за ружья — убить-то уж очень было легко! Но каждому охотнику хотелось раньше другого убить, и каждый, конечно, хватил, вовсе не целясь, и заяц, живёхонький, пустился в кусты!

— Молодец! — восхищенно сказал ему вслед Родионыч.

Охотники ещё раз успели хватить по кустам.

— Убит! — закричал один, молодой, горячий.

Но вдруг, как будто в ответ на «убит», в дальних кустах мелькнул хвостик; этот хвостик охотники почему-то всегда называют «цветком».

Смелый заяц охотникам из далёких кустов только своим «цветком» помахал.

ПОДВИГ ПАСТУШКА

ЛЕВ КАССИЛЬ

Рис. К. КАЩЕЕВА

Это рассказ из новой книги «Ранний восход», которую написал Лев Кассиль. Всё, что описано в книге, было на самом деле. В ней рассказывается о том, как жил и учился замечательный юный художник, московский школьник-пионер Коля Дмитриев. Он был очень трудолюбив, усерден и хорошо учился. Больше всего он любил рисовать. Каждый день по многу часов просиживал Коля с карандашом или кистью в руке. Он добился удивительных успехов и рисовал уже, как настоящий художник-мастер.

Когда Коле исполнилось только 15 лет, он погиб от несчастного случая на охоте.

В рассказе «Подвиг пастушка» описывается, как жил Коля Дмитриев в деревне Репинке, куда он приехал летом 1948 года рисовать.

Коля проснулся очень рано. Захватив ломоть хлеба с луковичкой, складной стульчик, альбом и краски, он вышел со двора. Тихонько прикрыл калитку, чтобы она не стукнула, и пошёл по улице. В деревне уже начинался трудовой колхозный день. Запрягали лошадей. Слышались удары молотка о металл. Чинили, должно быть, какую-то сельскохозяйственную машину. Потом разнеслись звуки тройной сирены, какая бывает у футбольных судей. На этот звук отозвались в разных дворах бодрым утренним мычаньем бурёнки. И Коле было приятно, что он не просто дачник, а работник, который вместе со всеми встал спозаранок и начинает свой трудовой день.

Местность за деревней оказалась очень живописной. Почти со всех сторон Репинку окружала мягко очерченная стена леса с большими прогалинами. Яркозелёные, округлой формы холмы полого спускались к реке. А за рекой глаз отдыхал на просторных лугах. И робкий утренний ветерок катил шелковистые волны по ржаным полям, уходившим к горизонту.

У Коли глаза разбежались от этого приволья, ласкающего глаз, заставляющего дышать во всю грудь. Да, здесь можно было хорошо поработать! Написать вон

ту лощинку, к которой так плавно скатывались линии холмов, и позолоченную утренним солнцем околицу Репинки, с прочными, хорошо срубленными избами...

Но тут в утренней тишине, ещё покоившейся на лугах, опять пропела футбольная судейская сирена и громко выстрелил кнут. Коля увидел пастушка, который загонял на место, в зелёную лощину, своих коров.

— Эй, дачник! — закричал пастушок, отняв от губ футбольную свистульку. — Чего встал рано? Блохи кусают? А ты нарви полыни — они живо уйдут, не терпят духа этого. — Волоча кнут, ступая крепкими босыми ногами по росистой траве, он подошёл к Коле. — Это у тебя что? — спросил он, указывая на складной стульчик.

Коля раскрыл приспособление, поставил на землю и сел.

— Толково, — одобрил пастушок. — Надо бы и мне такой завести. Пригнал — садись, располагайся, посиживай. Перегонять надо — сунул в карман, и всего дела. Вот люди, сообразят! Дай посидеть.

Коля встал, пастушок сел на складной стульчик, повертелся в разные стороны.

— Удобная жизнь. А тебе на что это?

— Я с ним работать хожу. На натуре, — сказал Коля и посмотрел на пастушка: какое это произвело на него впечатление. Но с загорелой, обветренной пятнистой физиономии пастушка светили на Колю такие славные, пытливо-открытые глаза, будто всё на свете желали они разглядеть и сейчас же понять... И Коле стало неловко, зачем это он вдруг щеголяет перед пастушком.

Он поспешил объяснить:

— Я сюда приехал на летние работы. Нам в школе задают. Я в художественной школе учусь, рисую.

— На практику, значит?

— Ну, вроде этого. И вот я хожу, ищу красивые виды и срисовываю.

— Выходит, на художника учишься, — с уважением протянул пастушок. — А я тоже в художественной самодеятельности участвую. По характерной пляске. Ох, я плясать здоров! Я уж на смотре выступал, в районе. У нас даже в школе кружок грамоту имеет. Мы третье место заняли.

Он неожиданно вдруг присел и пошёл вприсядку, выворачивая голые пятки. Потом вскинул ноги вверх, став на ладони, прошёлся колесом и напоследок завертелся, почти распластавшись, раскинув руки, как птица крылья, крутясь на одной пятке, которой он буравил землю.

— Ну как, ничего? Художественно получается? — поинтересовался он.

— Просто здорово! — восхитился Коля совершенно искренне.

— То-то, — сказал пастушок. — Мы тут тоже не спим зря, не дремлем.

Он перекинул кнут через плечо, подхватил его за спиной и свесил через другое плечо наперёд. И тут Коля увидел на его руке, возле локтя, под завернувшейся рубахой багровые полосы шрамов, неровно заросших.

— Это чем ты так? — спросил он.

— Это, что ли?.. Это я не сам. — Пастушок закатал рукав, поднял локоть. — Это волчище один меня цапнул. Матёрый.

Коля остолбенело посмотрел.

— Не веришь, что ли? Спроси кого хочешь в Репинке. Это в прошлом году. Погнал я на выпас от колхоза. А уж дело под осень. Вдруг — здорово живёшь! Незваны, непрошенны — двое волков! Здоровущих... И прямо, веришь ли, на крайнюю корову. А она стельная была, ну телёнка ждала. Как они её хватанули... Рвут и волочат. Ну, гляжу, пропала скотина. Кнут сдёрнул с себя да как щёлкну им! Аж один сразу отскочил. А я — на другого. И сам кричу. И волков пугаю и народ зову на подмогу. Двойная польза — учти это... А не то что я со страху голосил. Смекаешь? Теперь этот волк, который свалился, в сторону отполз и норовит — на меня. Я его как огрею кнутом, да с потягом ещё! Концом-то захлестнул ногу ему, так он кубарем от меня. А этот, матёрый, сейчас меня за руку — цоп!.. Вот за это место. Только я ему кнутовище в зубы ткнул и держу поперёк глотки. Он, значит, пасть защёлкнуть и не может. Задними лапами мне только стёганку всю в лоскутья разодрал. Да вот руку малость повредил. И на меня дышит так смрадно. Душно мне стало. Я чуть памяти не лишился. Хорошо ещё, я ему в рот кнутовище засунул. Он и сам уже вздохнуть не

может... Ну, а дальше я уже и помнить, вроде, перестал. После гляжу, уже дедушка Разумеев тут, и председатель Прохор Евсеевич, и ещё народ из колхоза. И меня на ноги обратно становят. Они с займища сено возили и услышали, спасибо. Говорят, я целых десять минут с волком-то возился. Так и упустил. Ушёл зверь... А корова—та ничего, выправилась. Мне за это премия была от колхоза. Костюм шевиотовый мне справили, двубортный, такого у нас ни у кого в классе нет.

— Слушай, как тебя звать? — спросил Коля, всё с большим восторгом вглядываясь в пастушка и уже мысленно видя его в своём альбоме.

— Пигусев Вася, — отвечал тот.

— Ты вот стой так, а я тебя нарисую.

— Это зачем? Охота тебе...

— Я тебя сейчас нарисую, — загорелся Коля. — А зверей я хорошо умею рисовать. Я уж их много в зоопарке изучал. И потом в Москве сделаю картину «Подвиг пастушка». Нет, правда, это будет очень интересно.

— Уж подвиг... — усомнился Вася. — Ты тогда сейчас не рисуй. А вот я завтра шевиотовый костюм надену, тогда уж и списывай портрет. А то что же это за красота будет? Это только осрамить.

— Да не надо мне твоего шевиотового! Ты ведь тогда в чём был? Ведь в стёганке?

— И в ушанке, — заметил пастушок Вася. — Ты хоть дай я чоботы надену. Я тогда не босой был, а в чоботы обутый. Уж давай, чтобы всё как есть, чтоб по правде.

Рисовать пастушка было дело нелёгкое, потому что он вдруг срывался с места и, крича: «Куда тебя? У, чахлая! Назад, тебе говорят!» — кидался со всех ног за какой-нибудь отбившейся бурёнкой и загонял её обратно к лесу. Иногда бросал свой альбомчик в траву и бежал помогать пастушку сам художник. Но потом они оба как ни в чём не бывало снова занимали свои прежние места. И рисунок вскоре был готов.

Коля вернулся домой голодный, немного усталый, но очень довольный. Он решил, что ещё несколько раз сделает наброски с Васи-пастушка, а когда вернётся в Москву, непременно напишет картину «Подвиг пастушка». Ведь вот какой отважный парень! А по виду не скажешь...

Нет, люди везде у нас есть такие, что просятся на картину!

ПЕРВОЕ ДЕЖУРСТВО

К. МОЧАЛОВА

Сторож спрашивает нас:
— Вы зачем так рано в класс? —
Отвечаем: — Мы дежурим
В первом классе первый раз.

В класс мы входим с Васей.
Чисто в нашем классе.
Растерялись я и Вася:
Что нам делать в чистом классе?

Я парты вытер, Вася — стол,
Я пол побрызгал, он подмёл.
Стал Вася доску вытирать.
Не вытер всей — не смог достать.
Он расстроился до слёз —
Рос семь лет, а не дорос.

Я спешу на помощь Васе:
Я всех выше в нашем классе.

Я поднялся на носки —
Раз... и вытер край доски.

Оглянулись мы на класс:
Хорошо теперь у нас!

ПЕРВОКЛАССНИК

АНАТОЛИЙ РЫБОЧКИН

Бегал в садике давно ли
Он за мыльным пузырём?
А сейчас Серёжа в школе:
Нынче — встреча с букварём.

Со стены, где спозаранок
Скачет зайчик золотой,
Смотрят ласково из рамок
Ломоносов и Толстой.

Смотрят прямо на Серёжу,
Мудрым взором говоря,
Что они когда-то тоже
Начинали с букваря.

В. ЧАПЛИНА *Рис. Д. ГОРЛОВА*

МАЛЫШИ В ЗООПАРКЕ

Есть в зоопарке площадка молодняка. Живут там разные звериные малыши — львята, медвежата, волчата, лисята и много-много других.

Попадают они на площадку из самых различных мест. Шлют полярники в подарок зоопарку белых медвежат; везут охотники лисят, волчат и медвежат бурых. С Дальнего Востока едут тигрята, а львята, динго и еноты родились в зоопарке.

А как пугались зверята, когда их первый раз выпустили всех вместе на площадку! Словно горох, рассыпались в разные стороны лисята, забились в угол волчата, а бурые медвежата, так те сразу на дерево влезли, забрались на самую макушку и смотрят, что внизу делается.

Не очень дружно жили первое время звериные малыши. Сначала они друг друга боялись, ссорились. Встретились полосатый тигрёнок и белый мишка и не хотят друг другу дорогу уступить, уши прижали, глаза стали узкие, злые — вот-вот подерутся. Но на площадке драться нельзя. За порядком следит дежурная служительница.

Зато как весело стало на площадке, когда зверята познакомились между собой и освоились с новым местом! Особенно забавны медвежата: всех они задирают, ко всем пристают или, неуклюже приплясывая, носятся друг за другом. А то влезет один из них на турник и начнёт на нём кувыркаться.

И чего только не проделывает косолапый проказник: качается на лестнице, ходит по узкой перекладине или уцепится за неё лапами и повиснет. Публика волнуется, как бы медвежонок не сорвался, но цепкие лапы держат малыша крепко, и, проделав свои акробатические номера, он слезает сам.

Впрочем, иногда случаются и неприятности. Заберутся на перекладину сразу два-три медвежонка и начнут друг друга толкать. До тех пор толкают, пока не свалятся. Упадут медвежата на кучу песка, что

под турником насыпан, поднимутся, отряхнутся и, уже забыв о недавней ссоре, спешат к другим игрушкам.

А игрушек на площадке много, и у каждого из зверей есть свои любимые. Медвежатам нравится качаться на качелях, а львятам и тигрятам катать большие деревянные шары. Ударит львёнок лапой по шару и катит его перед собой, а другой львёнок спрячется и караулит, потом выскочит из засады и игрушку перехватит.

Есть ещё на площадке специальный бассейн, где в летний жаркий день зверята могут искупаться. Купаются в нём почти все; даже тигрёнку, и тому нравится полежать в прохладной воде, если слишком сильно припекает солнце. Но больше всего любят воду белые медвежата. Вода — их родная стихия, и нигде они не чувствуют себя так уверенно, как в ней. Медвежата с разбегу прыгают в бассейн, борются, плавают, ныряют, и горе тому, кто не успеет во-время выбраться из бассейна. Даже резвые собаки динго, которые никогда никому не уступают, и те спешат скорей выскочить из воды, пока белые мишки не искупали их по-своему.

Накупаются белые медвежата, вылезут из воды, отряхнутся и начнут по площадке бегать, в песке валяться. Так изваляются, что их от бурых медвежат отличить трудно.

Целый день играют и бегают зверята, а как подойдёт время обеда, так и игре конец. Соберутся все около двери и ждут, когда им корм принесут.

Кормят зверей на площадке всегда в определённые часы, и поэтому они хорошо знают время обеда. Зато сколько бывает недовольства, если обед случайно запоздает! Зверята устраивают настоящий «бунт»: динго визжат, львята мяукают, а медвежата поднимают такой крик и так дёргают лапами дверь, что дежурным приходится их отгонять. Но такие опоздания бывают очень редко: на площадке молодняка строго следят за тем, чтобы у звериных малышей был правильный режим дня, чтобы они хорошо ели и росли крепкими и здоровыми.

Дают им на обед самые разнообразные блюда. Каждый зверёныш получает то, что ему необходимо. Львятам дают мясо, молоко; медвежатам — кашу, хлеб и разные овощи; белым медвежатам ещё добавляют

рыбу, и все малыши обязательно получают рыбий жир.

Правда, рыбий жир любят не все звери, и некоторым приходится давать его силой или подмешивать в пищу, но белых медвежат никогда не нужно заставлять. Они стараются выпить не только свою, но и чужую порцию и считают рыбий жир за самое лучшее лакомство.

После кормёжки всем животным полагается отдых. Ложатся спать все: и медвежата, и волчата, и львята... Бывает, что попавший недавно на площадку новичок ещё не привык к режиму и не хочет спать. Но напрасно он будет себе искать приятеля для игр, ни у кого он не встретит поддержки — походит, походит и ляжет тоже.

На один-два часа наступает сонное царство, потом животные поднимаются, и опять начинаются игры.

До самой глубокой осени живут на площадке зверята, а когда наступают холода, площадку закрывают. Одних зверят отправляют в зверинцы, в цирки, других оставляют в зоопарке. Иные звери за лето так привыкнут друг к другу, что их приходится оставлять вместе.

В зоопарке в одной из клеток сидит огромный лев. Зовут его Чандр. А вместе с ним, в этой же клетке, находится маленькая собачка Тобик.

Тобик и Чандр познакомились ещё малышами. Они так подружились, что даже заступались друг за друга. Как-то раз, играя, один из медвежат сделал Тобику больно. Тобик взвизгнул. Он взвизгнул очень тихо, однако и этого было достаточно, чтобы львёнок услышал и бросился защищать его. Но медвежонок не принял боя. Увидя перед собой более сильного противника, он поспешил удрать.

После этого случая львёнок часто заступался за своего более слабого приятеля. Тот даже научился пользоваться этим: визжал иногда без всякой причины, а львёнок разгонял всех подряд.

Чандр и сейчас заступается за Тобика. Они живут очень дружно, не ссорятся, а когда Чандр получает свою порцию мяса, он никогда не забывает оставить кусочек своему другу.

Вот какими друзьями вырастают животные, которые воспитываются на площадке молодняка зоопарка.

ПЁТР ДУДОЧКИН *Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ*

НА ЛЫЖАХ

Отец купил Андрею банку лыжной мази.

«Теперь я всех ребят обгоню!» — решил Андрей. Тайком, чтобы не видели товарищи, натёр он лыжи и стал кататься.

А у ребят ещё не было мази, и лыжи у них не были натёрты.

— Давайте побежим через болото и до речки. Посмотрим, кто быстрее всех дойдёт! — предложил Андрей.

Ребята согласились и пошли наперегонки.

Вскоре Андрей обогнал всех и первым подошёл к болоту.

— По кустам не ходи, там пней много! — закричали ему вслед ребята.

Но Андрей подумал, что ребята не хотят, чтобы он быстрее всех пришёл, и скрылся в кустах.

А ребята стали обходить кусты по ровной луговине.

Вдруг Андрей почувствовал, что его левая лыжа ткнулась во что-то твёрдое и застряла. Он дёрнул изо всей силы ногой, но лыжу не вытащил, а ремешок на ней оборвал.

Андрей вспомнил, что у Серёжи есть перочинный ножик, и хотел попросить его вырезать кожаную тесёмку и связать ремешок. Оглянулся, а ребят не видно.

Долго он связывал озябшими пальцами непослушный ремешок, а когда почти всё сделал, услыхал поблизости голоса.

Это ребята возвращались обратно. На этот раз они шли напрямик, по кустам, чтобы найти Андрея.

— Ну, кто кого обогнал? — засмеялся Серёжа.

— У меня ремешок оборвался, — признался Андрей.

— У Вани палка сломалась, так мы её быстро связали, — сказал Серёжа. — Давай и тебе поможем.

Он взял лыжу Андрея и увидел, что она натёрта мазью.

— Вот на что он надеялся! — сказал Серёжа.

— Когда лыжная мазь есть — это хорошо, а когда с тобой товарищи — это ещё лучше, — добавил Ваня.

— У меня мази много, — признался Андрей. — Давайте все лыжи натрём, чтоб всем ещё быстрее ходить!

ЗИМА

Е. СТЮАРТ

Январь. Лежат снега кругом,
И голос птиц не слышен.
И даже воробьи молчком
Нахохлились под крышей:
Когда такая стужа,
Чириканье к чему же?

Но вдруг... — в морозном январе
Так иногда бывает, —
Стучат капели на дворе
И снег повсюду тает,
И слышен воробьиный гам:
— Весна опять явилась к нам!

Но ветер северный сосну
Качнул в аллее сада,
Прогнал внезапную весну
И свой навёл порядок.

Он постучал в окошко к нам,
Узор на стёклах вышил
И говорливым воробьям
Сердито крикнул: — Тише!

Весне-то радовались зря,
Поторопились, ишь как!..
— Ведь нет у нас календаря! —
Сказали воробьишки.

Теперь в саду и во дворе
Нас тишина встречает,
Совсем как нужно в январе,
Когда мороз крепчает.

Рис. В. СУТЕЕВА

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Маленькая девочка, имя которой вы должны прочесть сами, собрала свои игрушки к столу. А слон куда-то запропал. Может быть, вы поможете заботливой хозяйке найти беспокойного слона?

Найдите также брата девочки. Узнайте, как его зовут, и расскажите нам, что он делает. И ещё скажите, сколько рыбок в аквариуме и где притаились кошка и собака.

Я И ДОМ

Гляжу в окно,
А за окном
Многоэтажный
Строят дом.
Сначала был он
Невысок,
И я тогда
Считать не мог.
Чтоб этажи
Его считать,
Решил я цифры
Изучать.
Пока дошёл
До десяти,
Дом ухитрился
Подрасти.
До двадцати
Я стал считать,
Взглянул — а он
Подрос опять.
Перед собою
Я в долгу:
Хочу угнаться —
Не могу.
Но быть ещё
Такому дню,
Когда я дом
Перегоню!

СЕМЁН СОРИН

СТАРИННЫЕ РУССКИЕ ЗАГАДКИ

1. Сидят три кошки; против каждой кошки две кошки. Много ль всех?

(Три)

2. У семерых братьев по одной сестрице. Много ли всех?

(Восемь)

3. Шли дорогой сын с отцом да дед со внуком. Много ли всех?

(Трое)

На обложке: рисунок А. Ермолаева — „Суворовцы у Центрального дома Советской Армии имени М. В. Фрунзе".

Художественный редактор О. Камкин *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор Л. Волкова*

Год издания двадцать девятый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06. А07485 Подписано к печати 31/XII 1952 г.
2,8 уч.-изд. л. Бумага $60 \times 92^{1}/_{8}$=1,5 бум. л.=3 печ. л. Тираж 325 000 экз. Заказ 2691

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущёвская, 21.

1910